

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

ВѢСТНИКЪ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

№ 4.

МАРТЪ 1905 г.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ.

1
137
187
225
Б
А. 262
299
I
о. 315
345
386
414

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—П. Пузыринова . . .	1
ЧТО ТАКОЕ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ. Е. Устинова . . .	137
ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—Е. Бершковой . . .	187
ТЕРРОРЪ И МАССОВАЯ БОРЬБА.—Д. Хилкова . . .	225
КЛАССОВАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА ВЪ СТРАНАХЪ ВСЕТОРЖЕСТВУЮЩАГО КАПИТАЛИЗМА.—Подольнича . . .	262
ТРИ ДНЯ (изъ воспоминаній)—Х.	299
КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АГРАРНОЙ ПРОГРАММѢ ВЪ СВЯ- ЗИ СЪ ТЕОРІЕЙ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.—Л. Шипко . . .	315
КЪ КРИТИКѢ МАРКСИЗМА.—Максимова . . .	345
НАШИМЪ ОБВИНТЕЛЯМЪ.—Ю. Гарденина . . .	386
ПЛУТОКРАТІЯ И ПЕЧАТЬ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТА- ТАХЪ.—В. Муранова . . .	411

ли во дворъ. Послѣ того остатки толпы разсѣялись сами собой».

На слѣдующій день, понедѣльникъ, была послѣдняя вспышка студенческихъ волненій. Часа въ 3 дня группа студентовъ, увлекаемая за собой довольно большую толпу, двинулась отъ Университета по Моховой, мимо Охотныхъ Рядовъ (откуда въ 1887 г. выступили на защиту самодержавія противъ студентовъ мясники), и вышли на Театральную площадь. Но едва достигли ея, какъ толпу нагнали казаки, которые были спрячтаны въ одномъ изъ дворовъ Охотнаго Ряда. Толпа была разсѣяна.

Уличныя волненія прекратились. Но то воодушевленіе, которое чувствовали рабочіе и интеллигенты, выступая рядомъ на борьбу противъ дикаго произвола и насилія, та горячая вѣра въ лучшее будущее, останутся навсегда въ душѣ каждого, кому пришлось пережить эти моменты.

N.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АГРАРНОЙ ПРОГРАММѢ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ТЕОРІЕЙ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.

Аграрная часть программы социалистической партіи не можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ ея общей программы, точно такъ же какъ и самое аграрное социалистическое движеніе необходимо представляетъ собою часть общаго социалистическаго движенія въ странѣ, всегда неразрывно связанъ съ нимъ.

Поэтому всякая аграрная программа должна быть построена на той же общей исторической концепціи, на томъ же общемъ представленіи объ условіяхъ развитія социалистическаго движенія, на которомъ строится въ данное время вся программа той или другой социалистической партіи.

Но такъ какъ программа всякой социалистической партіи представляетъ собою, въ концѣ концовъ, программу массово-го рабочаго движенія, къ которому необходимо сводится всякое социалистическое движеніе въ его развитой формѣ, то очевидно, что и аграрная социалистическая программа необходимо должна представлять собою программу массового рабочаго движенія въ области сельскохозяйственнаго производства.

Но здѣсь мы, какъ извѣстно, наталкиваемся на такъ называемый крестьянскій вопросъ, возникновеніе котораго было вызвано тѣми особыми историческими, а въ значительной степени также и экономическими условіями, въ которыя были поставлены рабочія массы деревни, по сравненію съ городскими рабочими массами. Извѣстно, что, въ силу всѣхъ этихъ особенностей, въ господствующемъ теченіи западноевропейской социалистической литературы, еще въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, установился тотъ особый взглядъ на крестьянскія массы, согласно которому онѣ были признаны неспособными, по своему экономическому и общественному положенію,

нию, къ какому-бы то ни было участию въ социалистическомъ движеніи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого, какъ и слѣдовало ожидать, явилось отсутствіе во всѣхъ первоначальныхъ программахъ западноевропейскихъ социалистическихъ партій какой бы то ни было социалистической аграрной программы. Предполагаемое отсутствіе въ деревнѣ тѣхъ рабочихъ массъ, среди которыхъ могло бы возникнуть серьезное социалистическое движеніе, естественно повело за собою также и отсутствіе программы массового рабочаго движенія въ деревнѣ. Вся аграрная часть западноевропейскихъ социалистическихъ программъ ограничивалась поэтому лишь упоминаніемъ о возможномъ участіи въ городскомъ рабочемъ движеніи также и наличныхъ силъ сельскаго пролетаріата, т. е. безземельныхъ батраковъ, занятыхъ въ крупныхъ сельскихъ хозяйствахъ.

Между тѣмъ, въ силу данныхъ историческихъ обстоятельствъ, весь ходъ экономическаго развитія большинства западноевропейскихъ странъ привелъ къ такому положенію, при которомъ, даже въ наиболѣе промышленно-развитыхъ изъ нихъ, главная рабочая масса деревни всегда состояла, какъ состоитъ и до сихъ поръ, не изъ безземельнаго сельскаго пролетаріата въ собственномъ смыслѣ этого слова, а изъ малоземельнаго, мелкаго крестьянства, при чемъ такое положеніе вещей, какъ это показали опытъ, никогда не обнаруживало и не обнаруживаетъ до сихъ поръ никакихъ признаковъ сколько-нибудь рѣшительнаго поворота въ сторону уничтоженія мелкаго крестьянскаго хозяйства и соответствующаго численнаго возрастанія сельскаго пролетаріата. Не даромъ Энгельсъ писалъ уже въ половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, т. е. почти чрезъ полстолѣтія послѣ того, какъ было впервые сформулировано это отрицательное отношеніе къ крестьянскимъ массамъ, что „отъ Ирландіи и до Сициліи, отъ Андалузій до Россіи и Болгаріи крестьянство является очень существеннымъ факторомъ какъ всего населенія, такъ производства и политической силы“.

Такимъ образомъ постепенно создавалось то несоотвѣтствіе между теоріей и практикой социалистическаго движенія, которое и представляетъ собою сущность такъ называемаго крестьянскаго вопроса. Это несоотвѣтствіе заключается, какъ мы

уже видѣли, въ томъ, что социалистическое движеніе, должнствующее, по самому существу своему, быть прежде всего массовымъ рабочимъ движеніемъ, наталкивается на такое свое теоретическое истолкованіе, въ силу котораго оно не можетъ охватить, въ своей программѣ, значительной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и главнѣйшей части наличныхъ рабочихъ массъ.

Въ какой бы степени такое явное несоотвѣтствіе между самымъ основнымъ условіемъ развитія всякаго социалистическаго движенія и даннымъ его теоретическимъ истолкованіемъ ни удовлетворяло чисто практическимъ запросамъ времени, въ какой бы степени оно ни отвѣчало тому главному направленію, въ какомъ развивалось въ данную историческую эпоху массовое рабочее движеніе, но не подлежало никакому сомнѣнію, что въ концѣ концовъ это несоотвѣтствіе должно было все болѣе и болѣе обнаруживать несостоятельность такого теоретическаго истолкованія и все болѣе и болѣе выдвигать на очередь вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи массоваго рабочаго движенія и о распространеніи его на трудовыя массы деревни, т. е., иными словами, вопросъ о *социалистической аграрной программѣ*.

Мы видимъ такимъ образомъ, что вопросъ о социалистической аграрной программѣ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о развитіи самого социалистическаго движенія, о распространеніи его среди новыхъ, еще незатронутыхъ ранѣе рабочихъ массъ, о вступленіи его въ новую, еще не занятую имъ ранѣе область. Виѣстъ съ тѣмъ этотъ вопросъ о социалистической аграрной программѣ тѣснымъ образомъ связанъ также и съ вопросомъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ установленныхъ ранѣе теоретическихъ положеній научнаго социализма, т. е. является виѣстъ съ тѣмъ и новымъ теоретическимъ вопросомъ. Вступленіе въ новую область распространенія самаго социалистическаго движенія необходимо предполагаетъ въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе существенныя измѣненія и поправки въ его прежнемъ теоретическомъ истолкованіи, т. е. вступленіе въ новый фазисъ развитія также и самого социалистическаго ученія. Такимъ образомъ теорія естественнымъ путемъ слѣдуетъ въ данномъ случаѣ за практикой и

жизнью, — по крайней мере поскольку речь идет здесь о развитии теории и практики социалистического движения в западноевропейских промышленных странах.

Действительно, мы знаем, что в Западной Европе вопрос об аграрной программе, т. е. о массовом рабочем движении в деревне, нигде не возникал одновременно с вопросом о программе городского рабочего движения. Известно, что первоначально социалистическое движение, в его массовой форме, повсюду возникало и развивалось в Западной Европе в среде городского рабочего населения и в этой именно среде достигало более или менее значительных размеров; и лишь только после того, как эта первоначальная стадия массового рабочего движения уже начинала, так сказать, исчерпывать свою историческую роль и приближаться к своим естественным пределам, — лишь тогда только и стала возникать, в более или менее настоятельной форме, вопрос об аграрной программе, как в теоретической, так и в практической области. Не даром же и самое социалистическое движение отождествлялось в этом первом фазисе своего развития с массовым движением одного городского, индустриального пролетариата, с чисто пролетарским движением в строгом и тесном смысле этого слова; социалистическая революция отождествлялась с пролетарской революцией, социалистическая точка зрения — с пролетарской точкой зрения и т. д.

Таков, впрочем, естественный ход развития всякой теории, всякого учения. Сам провозвестник того понимания научного социализма, которому, как мы уже видели, может быть присвоено название пролетарского, всегда утверждал, что научная теория должна следовать за жизнью, а не наоборот; а это значит также и то, что никакая научная теория, охватывающая собою известный жизненный процесс, не может рассчитывать на долговременное существование в одном и том же неизменном виде, ибо самый тот процесс, который она обнимает и формулирует на известной стадии его развития, должен затем перейти в другую стадию, требующую более широких рамок и от самой теории.

Так было, напирок, с тем еще более ранним пониманием социалистического движения, которое предшествовало пролетарской стадии научного социализма и которому специально присвоено теперь название „утопического“. Странно было бы думать — хотя такое мнение широко распространено среди сторонников единой и неизменной научной догмы — что в этом „утопическом“ социализме не было ничего глубоко-жизненного и реального, что оно не соответствовало целому ряду крупных исторических фактов и не удовлетворяло полностью теоретическим запросам социалистов своей эпохи. Думать так — значило бы вместе с тем утверждать, что и самое социалистическое движение в Западной Европе с самого своего возникновения всегда оставалось в одном и том же неизменном виде, т. е. что оно сразу же получило там ту его форму, в которой оно является перед нами лишь со второй половины XIX в., т. е. форму организованного и обособленного массового движения городского пролетариата.

Между тем мы знаем, что в действительности социалистическое движение в Западной Европе, на самых первых ступенях своего развития, представляло собою нечто совершенно иное. С одной стороны, это было чисто заговорщическое движение, возникавшее в формах небольших тайных обществ, состоявших преимущественно из отщепенцев буржуазного класса, руководившихся в своей деятельности, главным образом, идейными и этическими мотивами; а с другой стороны, в глубинах самого рабочего класса, на встречу этому идейному движению уже поднимались тогда полу-стихийные массовые рабочие волнения, в роду, напр., голодных бунтов английских ткачей и углекопов в 1819 году или лондонского восстания рабочих в 1834 г.

Этому первоначальному фазису социалистического движения в Западной Европе, еще очень смутно сознававшего тогда эти конкретные формы, в которых ему суждено было вылиться впоследствии, вполне соответствовало и тогдашнее социалистическое учение, все сосредоточенное на одной лишь критике существующего буржуазного строя с точки зрения

требований общественной справедливости и на выясненіе способов осуществленія, а пока лишь только самых общих *целей* предстоявшаго экономического переворота. Сюда относилась идейная борьба съ апологетами буржуазнаго капиталистическаго производства, опроверженіе выставленных ими теоретическихъ аргументовъ, а также выясненіе всѣхъ преимуществъ кооперативной организаціи производства по сравненію съ капиталистической. Вся эта борьба въ чисто идейной области составляла въ свое время насущнѣйшую задачу социалистическаго движенія; тѣ идеи, которыя были брошены тогда въ міръ первыми провозвѣстниками социализма, составляли настоящія научныя открытія и, въ значительной своей части, до сихъ поръ еще составляютъ необходимый элементъ социалистическаго міросозерцанія.

Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ, вовсе не расположенные хотѣ сколько-нибудь преувеличивать положительное значеніе такъ называемаго утопическаго социализма, не могли тѣмъ не менѣе не признать за нимъ очень важнаго вліянія на все послѣдующее развитіе рабочаго движенія: „...Эти социальныя и коммунистическія сочиненія“ — говорятъ они въ своемъ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ — „состояли также изъ критическихъ элементовъ; они нападали на всѣ основы существующаго общества; они доставили поэтому въ высшей степени цѣнный матеріалъ для просвѣщенія рабочихъ*“). Последнія подчеркнутыя нами слова врядъ-ли нуждаются въ какихъ-либо комментаріяхъ. Трудно было-бы представить себѣ болѣе важную услугу, оказанную социалистическому движенію, чѣмъ та, о которой говорятъ здѣсь авторы „Коммунистическаго Манифеста“. При этомъ не мѣшаетъ также замѣтить, что такая характеристика социальныхъ и коммунистическихъ сочиненій, доставлявшихъ „въ высшей степени цѣнный матеріалъ для просвѣщенія рабочихъ“, не только не указываетъ на ихъ исключительно утопическій характеръ, но, напротивъ того, скорѣе предполагаетъ ихъ очень близкое сопрякосновеніе съ жизненными интересами рабочаго класса.

*) Переводъ Поссе, изд. Кукулина, стр. 45. (Курсивъ нашъ).

Утопическая сторона этой наиболѣе ранней стадіи развитія социализма обнаруживается въ *тѣхъ практическихъ путяхъ*, которыми считалось тогда возможнымъ достигнуть осуществленія экономического переворота. По мнѣнію „Коммунистическаго Манифеста“, главная ошибка этихъ первыхъ теоретиковъ социализма заключалась въ недостаточно-ясномъ пониманіи ими всей непримиримости классовыхъ антагонизмовъ, отсюда вытекало также и отрицаніе ими политической, а въ особенности революціонной борьбы.

„Они сознавали, правда“ — читаемъ мы въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ — „что въ своихъ планахъ они являются представителями главнымъ образомъ интересовъ рабочаго класса, какъ класса наиболѣе страдающаго. . . . Но неразвита форма классовой борьбы, равно какъ и ихъ собственное жизненное положеніе приводятъ къ тому, что они считаютъ себя стоящими высоко надъ этой классовой противоположностью. Они хотятъ улучшить положеніе всѣхъ членовъ общества, даже наилучше поставленныхъ. Они непрерывно взываютъ поэтому ко всему обществу безразлично и преимущественно къ господствующему классу. Стоитъ понять только ихъ систему, чтобы признать ее, какъ невозможнаго лучшій планъ невозможнаго лучшаго общества. Они отбрасываютъ поэтому всякую политическую, специально всякую революціонную дѣятельность, они хотятъ достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ и пытаются пробить путь новому общественному свѣтлѣ силой призра, мелкими, естественно неудавшимися опытами*“).

Въ такомъ видѣ эта стадія теоретическаго социализма представляется, конечно, въ высшей степени утопической; но такая характеристика практической стороны „критико-утопическаго социализма“ врядъ-ли можетъ быть признана вполне вѣрной. Она приложима безъ всякихъ оговорокъ развѣ только къ одному ученію Фурье, да и то лишь въ томъ видѣ, въ какомъ понималъ его самъ Фурье, твердо вѣрившій, что инициативу общественнаго переустройства на провозглашенныхъ имъ началахъ могутъ взять на себя сами представите-

(* Тамъ же, стр. 44 45. (Курсивъ нашъ).

ли имущественных классов. Но и здесь необходимо впрочем заметить, что эта вѣра Фурье вовсе не была связана логически со всѣмъ его учениемъ; вовсе не вытекала съ необходимостью изъ его критики существующаго строя и потому вовсе не была обязательна для его продолжателей, въ числѣ которыхъ мы встречаемъ даже такихъ, порвавшихъ съ утопіями людей, какъ Чернышевскій.

Что касается другихъ представителей утопическаго социализма, то извѣстно, напр., что Робертъ Овенъ не разъ обращался непосредственно къ рабочимъ массамъ и дѣлалъ серьезныя попытки вызвать массовое рабочее движеніе. Такъ въ 1832 г. онъ основалъ въ Англіи „великій національный союзъ всѣхъ ремеселъ“, имѣвшій цѣлью оказать давленіе на парламентъ и добиться закона о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ. Мы знаемъ также, что послѣдователи Овена продолжали вести подобную же политику и вступали въ соглашеніе съ чартистами.

То же самое слѣдуетъ сказать о Франціи, гдѣ общій характеръ политической жизни былъ гораздо революціоннѣе, чѣмъ въ Англіи, и гдѣ поэтому „критико-утопическій социализмъ“, въ его практическомъ примѣненіи, немедленно же принялъ форму революціонныхъ политическихъ программъ якобинскаго характера. О рѣзко-классовомъ и чисто-революціонномъ характерѣ первоначальнаго социалистическаго движенія во Франціи можно судить хотя бы, наприм., по слѣдующимъ отрывкамъ изъ рѣчи Бланки, произнесенной имъ на судѣ въ 1832 г.*):

„Меня обвиняютъ въ томъ, что я говорилъ 30 милліонамъ французовъ, такимъ же пролетаріямъ, какъ и я, что они имѣютъ право жить.... Это война между богатыми и бѣдными; этого хотятъ богатые, ибо они — нападающая сторона.... Пусть знаютъ, что народъ не будетъ больше просить милостыни!“

Бланки требовалъ всеобщаго избирательнаго права, налога на богатыхъ и учрежденія національнаго банка. Нѣтъ сомнѣнія, что эти требованія представляли собою, въ ихъ цѣ-

* G. Weil, Hist. du Parti républicain en France. стр. 172.

лѣмъ, если ихъ разсматривать, какъ „разрѣшеніе социальнаго вопроса“ вполне утопическую программу; но все-таки трудно сказать, чтобы подобное пониманіе социализма носило анти-революціонный и внѣ-классовой характеръ. Поэтому намъ кажется, что гораздо болѣе правильной и точной надо будетъ признать слѣдующую характеристику „критико-утопическаго социализма“, которую мы находимъ въ той же главѣ „Коммунистическаго Манифеста“:

„Изобрѣтатели этихъ системъ видятъ, правда, противоположность классовъ, видятъ вліяніе разрушающихъ элементовъ въ самомъ господствующемъ обществѣ, но они не замѣчаютъ на сторонѣ пролетаріата никакой исторической самостоятельности, никакого специально ему свойственнаго политическаго движенія“. (Курсивъ нашъ).

Мы думаемъ, что въ этихъ послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами словахъ какъ нельзя лучше отмѣчена самая главная и самая характерная черта всего періода такъ называемаго „утопическаго социализма“. Она заключалась не столько въ недостаточномъ пониманіи классовыхъ различій и въ отрицаніи политической борьбы со стороны первыхъ социалистовъ, сколько въ отсутствіи въ нихъ всякой увѣренности въ возможность опереться въ этой борьбѣ на революціонную инициативу самихъ рабочихъ массъ. Отсюда разочарованіе Овена въ рабочихъ союзахъ, отсюда также и якобинство французскихъ социалистовъ. И вотъ на эту именно черту и указывается въ вышеприведенныхъ и подчеркнутыхъ нами словахъ „Коммунистическаго Манифеста“.

Но всякому легко будетъ согласиться съ тѣмъ, что если первые идейные провозвѣстники социализма „не замѣчали на сторонѣ пролетаріата никакой исторической самостоятельности, никакого специально ему свойственнаго политическаго движенія“, то это происходило вовсе не отъ недостатка у нихъ наблюдательности или реальнаго пониманія жизни, но главнымъ образомъ по той простой причинѣ, что историческая самостоятельность и самостоятельныя политическія движенія пролетаріата еще слишкомъ слабо намѣчались тогда въ самой дѣйствительности, такъ какъ пролетаріатъ еще слишкомъ мало былъ подготовленъ тогда къ своей исторической роли

или, говоря словами „Коммунистического Манифеста“, „былъ еще въ высшей степени неразвѣтъ, такъ что самъ представлялъ свое собственное положеніе фантастически“^{*)}).

Но если такъ, если самъ пролетаріатъ былъ еще слишкомъ неразвѣтъ тогда и имѣлъ фантастическія представленія о своемъ собственномъ положеніи, то вѣдь это значитъ, что такъ называемый „утопизмъ“ первыхъ ступеней развитія социалистическаго движенія заключался не столько въ ошибочныхъ сужденіяхъ и теоріяхъ его первыхъ провозвѣстниковъ, сколько въ самой дѣйствительности, въ томъ объективномъ, фактическомъ положеніи вещей, которому болѣе или менѣе соответствовали тогда эти теоріи. Съ этой точки зрѣнія можно бы было сказать, что, современная, напр., постановка массоваго рабочаго движенія въ западноевропейскихъ социалистическихъ партіяхъ была бы гораздо болѣе утопической для Франціи 30-хъ и 40-хъ годовъ, чѣмъ та якобинско-бланкистская программа, подъ знаменемъ которой парижскіе рабочие шли завоевывать тогда себѣ всеобщее избирательное право.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, съ котораго начали, заговоривъ о такъ называемомъ утопическомъ социализмѣ. Социалистическое ученіе, какъ и всякая другая теорія, охватывающая извѣстный жизненный процессъ, извѣстное общественное движеніе, необходимо должна проходить послѣдовательные фазисы развитія, соответствующіе развитію самой жизни, причѣмъ всякій предыдущій фазисъ, по отношенію къ послѣдующему, принимаетъ рано или поздно уторическій характеръ, т. е. перестаетъ отвѣчать дѣйствительному положенію вещей.

Чтобы избѣжать этого, такъ сказать, исторически-неминуемаго утопизма, недостаточно даже, чтобы данная социалистическая теорія признавала эволюціонный принципъ и была построена на извѣстномъ *процессѣ* общественнаго развитія; необходимо еще, чтобы она принимала также во вниманіе возможность измѣненія въ самомъ этомъ процессѣ общественнаго развитія, т. е. въ его развѣтѣ, въ его быстротѣ, въ

^{*)} Тамъ же стр. 45.

его относительномъ значеніи, и т. д. Теорія, построенная на представленіи объ одномъ и томъ же неизмѣнномъ процессѣ общественнаго развитія, можетъ оказаться такой же утопической, какъ и теорія, построенная на чисто метафизическомъ принципѣ.

Перожитками такого утопизма, обусловленнаго ошибочнымъ представленіемъ о неизмѣнной роли одного и того же общественнаго процесса въ теченіи неопредѣленно долгаго времени, страдаетъ еще и въ настоящее время то научное истолкованіе социалистическаго движенія, которое смѣнило собою самыя первоначальныя социалистическія теоріи и которое было провозглашено въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Въ сущности, это первое систематическое обоснованіе социалистическаго движенія, получившее впервые названіе научнаго социализма, носило на себѣ явные слѣды соответствующей ему исторической эпохи: оно представляло собою не что иное, какъ непосредственное отраженіе въ социалистической теоріи двухъ крупныхъ общественныхъ фактовъ первой половины XIX вѣка: необычайно быстрого роста крупной капиталистической промышленности и столь же быстрого роста городского рабочаго населенія. На этихъ двухъ явленіяхъ: концентрации производства и ростѣ пролетаріата и была построена тогда вполне законченная теорія социалистическаго переворота.

„Изъ всѣхъ классовъ, которые и нынѣ противостоятъ буржуазіи“ — читаемъ мы въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ — „только одинъ пролетаріатъ — истинно революціонный классъ. Остальные классы приходятъ въ упадокъ и гибнутъ вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности; пролетаріатъ же — ея специальный продуктъ.“

Среднія сословія, мелкій промышленникъ, мелкій купецъ, ремесленникъ, крестьянинъ, всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы обезпечить свое существованіе, какъ среднихъ сословій, отъ гибели. Они такимъ образомъ не революціонны, а консервативны. Болѣе того: они реакціонны, они пытаются повернуть назадъ колесо исторіи. Если они революціонны, то только въ виду предстоящаго имъ перехода въ

пролетариат; таким образом, они защищают не свои настоящие, но свои будущие интересы; таким образом, они оставляют свою собственную точку зрения, чтобы стать на точку зрения пролетариата**).

Въ этихъ немногихъ словахъ передана сущность всей исторической концепции Маркса и Энгельса; въ нихъ въ самыхъ определенныхъ выраженияхъ высказывается самая основная, самая центральная идея „Коммунистического Манифеста“, представляющая собою цѣлую революционную программу, построенную, какъ мы уже говорили, на одномъ изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ результатовъ революціоннаго движенія XVIII в.: быстро и какъ бы стихійно-неудержимомъ ростѣ крупной капиталистической промышленности, вытѣснявшей собой — казалось повсюду — мелкое производство.

Но легко видѣть, что цѣльность и законченность этой революціонной программы или, лучше сказать, этой теоріи социалистическаго переворота были всецѣло основаны на томъ предположеніи, что концентрація производства и ростъ пролетариата должны были не только прогрессировать и развиваться вообще, но и кромѣ того достигнуть *известныхъ предѣльныхъ размѣровъ*, т. е. такихъ размѣровъ, при которыхъ всѣ промежуточные формы производства и всѣ промежуточные слои населенія дѣйствительно оказались бы практически не играющими никакой исторической роли, и пролетариатъ могъ бы побѣдить, даже не имѣя нужды въ классовомъ соединеніи съ другими трудовыми слоями. Въ этомъ именно разсчетѣ на неминуемое исчезновеніе всѣхъ промежуточныхъ элементовъ, стремящихся „вернуть назадъ колесо исторіи“, и на неминуемое выступленіе на свободную историческую сцену объединеннаго и организованнаго пролетариата, созданнаго самымъ процессомъ экономическаго развитія, и заключается основная, центральная идея „Коммунистическаго Манифеста“. Эта именно идея придаетъ всему построенію ту особую историко-философскую окраску, которая стала съ тѣхъ поръ известна подъ названіемъ экономическаго матеріализма. „Только пролетариатъ — истинно революціонный классъ, противо-

*) Тамъ же стр. 25.

стоящій буржуазіи“, — въ этихъ словахъ еще не содержится никакой определенной программы; это — простая оцѣнка сравнительной революціонности различныхъ слоевъ рабочаго населенія; дѣйствительная программа „Коммунистическаго Манифеста“ вырисовывается лишь изъ тѣхъ его положеній, въ которыхъ указывается на неизбѣжное наступленіе *фактическаго, численнаго* преобладанія этого единственно-революціоннаго класса, въ силу неизбѣжнаго и всепобѣждающаго развитія крупной капиталистической промышленности. Здѣсь именно выясняется дѣйствительно новая постановка социалистическаго движенія, придававшая ему характеръ стихійнаго историческаго процесса. Вся суть дѣла заключалась здѣсь именно въ этомъ непреодолимомъ ростѣ крупнаго капиталистическаго производства, устанавливавшемъ твердую матеріальную основу для быстрого роста и развитія и окончательнаго торжества пролетариата, какъ единаго истинно-революціоннаго класса.

* * *

Но эта центральная идея, эта главная основа всего научнаго построенія была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ известнымъ взглядомъ на историческую роль крестьянства, а слѣдовательно и съ вопросомъ объ аграрной социалистической программѣ. Отрицательное отношеніе къ трудовымъ массамъ деревни и отрицательное опредѣленіе ихъ роли въ социалистическомъ движеніи прямо и непосредственно вытекали здѣсь изъ противопоставленія мелкаго крестьянства пролетариату, изъ противопоставленія мелкаго крестьянскаго хозяйства крупной капиталистической промышленности, какъ двухъ исключających другъ друга историческихъ теченій: прогрессивнаго съ одной стороны и реакціоннаго съ другой. „Крестьянинъ *борется* противъ буржуазіи“, чтобы обезпечить свое существованіе, какъ *средняго* класса; онъ пытается „вернуть назадъ колесо исторіи“. Мы видимъ, слѣдовательно, что дѣло идетъ здѣсь, дѣйствительно, о противодѣйствіи со стороны крестьянства тому основному историческому процессу, на которомъ было построено все здание новой те-

орія социализма. Крестьянство должно было погибнуть в борьбѣ съ буржуазіей, мелкое крестьянское хозяйство должно было исчезнуть в борьбѣ съ крупной промышленностью, — такъ же, какъ исчезло в нѣкоторыхъ отрасляхъ ремесленное производство; иначе былъ бы подточенъ самый фундаментъ всего новаго общественнаго строительства, и колесо исторіи было-бы повернуто вспять.

Необходимо имѣть въ виду, что среди всѣхъ представителей среднихъ слоевъ, пытавшихся повернуть назадъ колесо исторіи, о которыхъ упоминается въ „Манифестѣ“ (мелкій промышленникъ, мелкій купецъ, ремесленникъ, крестьянинъ) рѣшающая роль въ данномъ случаѣ принадлежала именно мелкому крестьянству съ его мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Что касалось собственно мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, то по отношенію къ нимъ историческая роль буржуазіи уже была осуществлена, и экономическій переворотъ уже почти совершился; по отношенію къ нимъ новая историко-философская теорія ограничивалась почти лишь тѣмъ, что констатировала совершившійся фактъ; по отношенію же къ мелкому крестьянству это была-пока еще только *научная гипотеза*, и вотъ именно въ этой ея главной части, въ этой научной гипотезѣ о неминуемомъ исчезновеніи мелкаго крестьянскаго хозяйства и заключалась сущность всей новой теоріи. Мелкое крестьянство на всемъ континентѣ Европы еще составляло главную рабочую массу деревни: „отъ Германіи и до Сициліи, отъ Андалузіи и до Россіи“ оно еще являлось „очень существеннымъ факторомъ производства и политической силы“. Безъ его перехода въ ряды пролетаріата эта теорія, въ ея многихъ существенныхъ частяхъ, оказалась бы мертвой буквой. Вотъ почему мы и говоримъ, что тезисъ о неминуемой гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства не былъ второстепеннымъ придаткомъ марксистской концепціи социализма; напротивъ того, онъ представлялъ въ конкретной формѣ все ея — такъ сказать — теоретическое содержаніе. Легко видѣть, кромѣ того, что этотъ тезисъ представлялъ собою лишь обратную сторону всего исходнаго положенія, связывавшаго поступательный ходъ социалистическаго движенія съ развитіемъ крупнаго капита-

листическаго производства, такъ какъ это развитіе нельзя было-бы даже представить себѣ при сохраненіи мелкаго крестьянскаго хозяйства его преобладающаго мѣста въ обществѣ национальномъ производствѣ. Ростъ пролетаріата и его политическая роль неизбежно опредѣлялись и ограничивались численностью трудовыхъ крестьянскихъ массъ.

Отсюда неизбежно долженъ былъ получиться тотъ строгологическій выводъ, который, какъ мы уже знаемъ, и былъ въ очень рѣзкой формѣ выраженъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, а именно тотъ выводъ, что уже само существованіе мелкихъ крестьянъ съ ихъ мелкимъ хозяйствомъ дѣлало ихъ представителями застоя и реакціи, независимо даже отъ тѣхъ или другихъ ихъ политическихъ свойствъ; самое ихъ существованіе уже являлось прямымъ отрицаніемъ всей данной основы историческаго движенія, принявъ препятствіемъ росту и развитію той единственной истинно-революционной общественной силы, которая выдвигалась на сцену историческими процессомъ. Вотъ почему этотъ тезисъ о предстоящемъ исчезновеніи мелкаго крестьянскаго хозяйства въ процессѣ экономическаго развитія даже не требовалъ съ данной точки зрѣнія никакихъ особыхъ доказательствъ и аргументовъ, которые опирались-бы на непосредственное экономическое изслѣдованіе, на собранный фактический матеріалъ. И мы дѣйствительно знаемъ, что выводы „Коммунистическаго Манифеста“ о крестьянствѣ носятъ чисто апіористическій характеръ; врядъ-ли кто-нибудь рѣшится утверждать, чтобы здѣсь имѣло хоть какое-нибудь значеніе фактическое изученіе крестьянскаго вопроса, фактическое знакомство съ условиями деревенской жизни, съ тѣми особыми историческими причинами, отъ которыхъ дѣйствительно зависѣло въ то время то или другое настроеніе деревенскихъ массъ*). Вся факти-

*) Классическимъ образчикомъ фактическаго знакомства съ условиями крестьянской жизни со стороны первыхъ теоретиковъ пролетарской стадіи социализма могутъ служить „Путевыя Записки“ Энгельса, относяшіяся къ его двухнедельному путешествію по Франціи въ 1848 году, послѣ июльскихъ дней. См. объ этомъ въ статьяхъ Б. Оленина, печатавшихся въ „Наканунѣ“ подъ заглавіемъ „Страничка изъ исторіи развитія социалистической мысли“.

ческая, описательная сторона „Коммунистического Манифеста“, весь его исторический очерк посвящены, как известно, исключительно вопросу о происхождении и росте городской буржуазии, а также описанию того экономического переворота, который произошел уже в новейшее время в области городской индустрии, при чем вся эта вступительная глава, дающая сжатую картину всемирного исторического процесса, носит заглавие, вполне соответствующее ее содержанию, а именно: „Буржуазия и Пролетариат“. О деревне в ней упоминается лишь в нескольких словах и лишь для того только, чтобы констатировать ее полное подчинение городу в наступившем фазисе буржуазного господства (стр. 19). И вот дальнейшее распространение этого господства, дальнейшее развитие этой стадии всемирно-исторического процесса и должно было, согласно общей концепции „Коммунистического Манифеста“, привести к болѣе или менѣе полному исчезновению мелкаго крестьянскаго хозяйства.

Таково происхождение этого тезиса, рѣшавшаго раз навсегда вопрос о социалистической аграрной программѣ. Чисто-априорный путь, каким былъ полученъ этотъ тезисъ, необходимо долженъ былъ придать ему его догматическій, абсолютный характеръ, поставить его вне всякой зависимости отъ фактовъ окружающей жизни; и мы действительно знаемъ, что этотъ тезисъ безъ всякаго измѣненія повторялся и поддерживался съ тѣхъ поръ въ марксистской литературѣ всѣхъ странъ и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ.

Уже много лѣтъ спустя послѣ выхода „Коммунистическаго Манифеста“, почти черезъ 50 лѣтъ, Энгельсъ писалъ въ своей извѣстной статьѣ „О крестьянскомъ вопросѣ во Франціи и въ Германіи“:

„Развитіе капиталистической формы производства подрѣзало жизненный нервъ мелкаго хозяйства въ земледѣліи; оно приходитъ въ упадокъ и гибнетъ безъ всякой надежды на спасеніе“. И дальше: „Подати, неурожаи, наследственные раздѣлы, судебные процессы гонятъ крестьянъ, одного за другимъ къ ростовщику; задолженность дѣлается все болѣе и болѣе непоправимой. Короче, мелкій крестьянинъ, какъ всякій пережитокъ исчезающаго способа производства, неминуемо осужденъ на гибель. Это — будущій пролетарій**).

То же самое неизменно повторялось и во французской социалистической литературѣ. Хотя французскіе социалисты марксистскаго направленія видѣли предъ собою несомнѣнный фактъ очень большой устойчивости мелкаго крестьянскаго хозяйства во Франціи и хотя они прекрасно понимали, что въ ихъ дальнейшей революціонной борьбѣ имъ неизбежно придется считаться съ отношеніемъ къ ней тѣхъ-же самыхъ крестьянскихъ массъ, вслѣдствіи ихъ подавляющаго вліянія на политическую жизнь Франціи, — и даже, въ виду этого, какъ извѣстно, пытались проектировать свою особую социалистическую аграрную программу, въ которой старались примирить социалистическія требованія съ удержаніемъ частной собственности мелкихъ французскихъ крестьянъ на свои земли, — но тѣмъ не менѣе они все-таки писали въ этомъ же самомъ проектѣ аграрной программы, что „такое положеніе вещей, характеризуемое крестьянскою собственностью, фатально обречено на исчезновеніе“***).

Всего нагляднѣе, однако, эта неразрывная связь ортодоксальнаго марксизма съ извѣстнымъ отношеніемъ къ аграрному вопросу, эта логическая необходимость для него настаивать на неизбежномъ исчезновеніи мелкаго крестьянскаго хозяйства сказала на его русскихъ послѣдователяхъ. Въ „классически-капиталистическихъ“ странахъ позиція ортодоксальнаго марксизма была все-таки сравнительно довольно прочной: тамъ численность городского пролетаріата уже действительно достигла большихъ размѣровъ и тамъ этотъ пролетариатъ уже действительно успѣлъ заявить себя крупной политической силой, при чемъ самое развитіе крупной капиталистической промышленности было поставлено тамъ на гораздо болѣе твердую историческую и экономическую почву; между тѣмъ какъ въ Россіи, въ силу всѣхъ историческихъ и экономическихъ условій развитія русскаго капитализма, социалистическая партія имѣетъ передъ собой совсѣмъ другое и весьма своеобраз-

*) „Die Neue Zeit“, 1894-95 г., № 10, стр. 293. 4, 5.

**) См. „Programme Agricole du Parti ouvrier français“, 1894 г. стр. 1.

ное положеніе вещей. Но тѣмъ не менѣе у русскихъ марксистовъ, пока они оставались и остаются ортодоксальными, не было и нѣтъ никакого другого выхода, и мы хорошо знаемъ, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ довела ихъ эта слѣпая приверженность буквѣ „Коммунистическаго Манифеста“. Въ области революціонной практики, они должны были связать свою социалистическую программу съ проповѣдью буржуазныхъ земельныхъ отношеній въ деревнѣ, въ виду насажденія тамъ крупнаго капиталистическаго сельскаго хозяйства; въ области революціонной теоріи, они должны были упорно отрицать принадлежность русскаго трудового и эксплуатируемаго, малоземельнаго крестьянства къ рабочему классу, — вопреки даже мнѣнію лучшихъ современныхъ теоретиковъ своей собственной школы.

Но повторяемъ: „научный“ марксизмъ „Коммунистическаго Манифеста“ замкнулъ въ совершенно опредѣленные теоретическія рамки. Отказаться отъ тезиса объ исчезновеніи или, по крайней мѣрѣ, быстромъ уменьшеніи относительныхъ размѣровъ мелкаго крестьянскаго хозяйства — значило бы для русскихъ ортодоксовъ нарушить стройность ихъ теоріи пролетарскаго социалистическаго переворота; это значило бы признать необходимость активнаго участія въ этомъ переворотѣ мелкаго трудового крестьянства, какъ такового, безъ предварительнаго перехода его въ ряды пролетаріата въ собственномъ смыслѣ этого слова; это значило бы, наконецъ, отказаться отъ той основной идеи „Коммунистическаго Манифеста“, которая состоитъ въ ультра-оптимистической оцѣнкѣ объективнаго экономическаго процесса, независимаго ни отъ человѣческой воли, ни отъ субъективныхъ человѣческихъ стремленій, и тѣмъ не менѣе подготовляющаго какъ психическую, такъ и всю техническую и матеріальную сторону предстоящаго социалистическаго переворота.

* * *

Итакъ, мы видимъ теперь, какое рѣшающее значеніе для всей теоріи „чисто“-пролетарскаго социализма имѣетъ вопросъ объ исчезновеніи или неисчезновеніи мелкаго крестьян-

янскаго хозяйства въ общемъ ходѣ экономическаго развитія. Можно смѣло сказать, что съ этимъ вопросомъ было тѣсно связано самое существованіе этой теоріи или, говоря точнѣе, тѣ предѣлы, тѣ историческія рамки, внутри которыхъ она могла быть признана дѣйствительно научной. Будучи провозглашенной въ эпоху первыхъ огромныхъ завоеваній капитализма въ области городской индустріи, когда, кромѣ того, все общественное вниманіе было почти исключительно сосредоточено на событіяхъ именно городского революціоннаго и рабочаго движенія, эта теорія, охватывавшая обширный кругъ явленій городской жизни, вполнѣ соответствовала ближайшей стадіи развитія социализма. Но дальнѣйшая ея судьба зависѣла отъ того, въ какой мѣрѣ будутъ оправдываться дѣйствительностью ея предсказанія, относившіяся къ области деревенской жизни. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ стали все болѣе и болѣе выясняться условія и результаты капиталистическаго развитія въ области сельскохозяйственнаго производства, и по мѣрѣ того, какъ стали накапливаться относящіеся сюда фактическія данныя, стало все болѣе и болѣе обнаруживаться также, что всѣ эти фактическія данныя очень плохо укладываются въ рамки строго замкнутой теоріи марксистскаго социализма. Отсюда собственно и возникъ вопросъ о крестьянствѣ и о социалистической аграрной программѣ, какъ особый теоретическій вопросъ, связанный со вступленіемъ въ новый фазисъ развитія самого социалистическаго движенія. Выясненію этого вопроса въ его общей теоретической постановкѣ и была посвящена главная часть нашей статьи. Теперь намъ остается остановиться нѣсколько подробнѣе на тѣхъ соображеніяхъ и выводахъ чисто фактическаго характера, которые могутъ быть приведены въ подтвержденіе необходимости болѣе или менѣе полнаго — пересмотра господствовавшихъ до сихъ поръ положеній, относящихся къ крестьянскому вопросу, — и которые должны были бы, какъ намъ кажется, заставить всѣхъ непредубѣжденных людей навсегда отказаться отъ ортодоксально-марксистской точки зрѣнія на этотъ вопросъ. Тѣмъ болѣе, что, какъ увидитъ это читатель, намъ придется сослаться здѣсь почти исключительно на мнѣнія и выводы наиболѣе авторитетныхъ теоретиковъ марксистской же школы.

Прежде всего, мы должны напомнить, что сам Маркс не всегда придерживался, в своих позднейших сочинениях, того резко-отрицательного отношения к крестьянству, как к общественному элементу, который проникнуть его „Коммунистический Манифест“. Так в своей брошюре по поводу парижской Коммуны („Гражданская Война во Франции“) он допускает, что французские крестьяне, если бы они не были отрезаны от Парижа версальской армией, могли бы соединиться тогда с парижскими работниками и произвести всеобщее крестьянское возстаніе; он говорит также, что события Коммуны „обеспечили крестьянам, в лицѣ городских рабочих, естественныхъ представителей ихъ интересов“, и что Коммуна „имѣла полное право воскликнуть крестьянамъ: въ нашей побѣдѣ — ваше спасеніе!“ Если мы всомнимъ при этомъ, что парижская Коммуна была чисто городскимъ революціоннымъ движеніемъ съ довольно опредѣленной социалистической окраской, то мы должны будемъ признать, что столь категорическое указаніе на общность интересовъ французскаго крестьянства и рабочихъ парижской Коммуны очень плохо вяжется съ точкой зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста“ на крестьянскій вопросъ.

Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи нѣкоторыя заявленія Энгельса въ его статьѣ „О крестьянскомъ вопросѣ во Франціи и Германіи“. Статья эта была написана, какъ извѣстно, въ 1894 г., т. е. въ ту эпоху, когда во Франціи уже вполне установилось политическое и экономическое господство буржуазіи. Монархическія партіи уже были тогда окончательно разбиты во Франціи, и вся политическая власть уже перешла тогда въ ней въ руки представителей капитала; это была та именно буржуазная республика при развитой формѣ капиталистическаго производства, о которой говорил Каутскій въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей въ „Neue Zeit“*), какъ о такой государственной формѣ, гдѣ „пролетаріатъ и буржуазія стоятъ непосредственно другъ противъ друга и гдѣ пролетаріату нѣтъ надобности перелѣзать чрезъ стѣну монархическаго правительства, чтобы свернуть шею

буржуазіи“. И вотъ, обсуждая, при подобныхъ условіяхъ, положеніе французской социалистической партіи, по поводу составленнаго ею тогда и уже упоминавшагося нами проекта аграрной программы, Энгельсъ высказываетъ между прочимъ слѣдующее мнѣніе:

„Въ одномъ отношеніи наши французскіе товарищи безусловно правы: *противъ воли мелкаго крестьянина*, во Франціи невозможенъ никакой прочный политическій переворотъ“*). Затѣмъ онъ объясняетъ, какимъ путемъ, по его мнѣнію, французскіе социалисты должны бы были подойти къ этому мелкому крестьянину, чтобы привлечь его на свою сторону.

„Главное дѣло тутъ въ томъ“ — пишетъ онъ — „чтобы объяснить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можемъ, только превративъ ихъ въ товарищескую собственность и товарищеское производство. Именно единоличное хозяйство, обусловленное единоличною собственностью, и ведетъ крестьянина къ гибели. Если онъ будетъ настаивать на своемъ единоличномъ хозяйствѣ, то неминуемо потеряетъ и землю и дворъ, такъ какъ крупное капиталистическое производство вытѣснитъ его устарѣвшій способъ производства. Такъ обстоитъ теперь дѣло. И вотъ, являемся мы и даемъ крестьянамъ возможность вести самими крупное производство не за капиталистическій, а за свой собственный счетъ. Неужели нельзя дать понять крестьянамъ, что это въ ихъ собственныхъ интересахъ, что это ихъ единственное средство спасенія?“ (Тамъ-же, стр. 33).

Въ этомъ интересномъ во многихъ отношеніяхъ отрывкѣ, всего болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, по отношенію къ интересующему насъ теперь вопросу, категорическое заявленіе Энгельса о безусловной невозможности сколько-нибудь прочнаго политическаго переворота во Франціи безъ согласія на то ея мелкаго крестьянства; при чемъ, какъ мы уже видѣли, Энгельсъ могъ говорить здѣсь лишь о политическомъ переворотѣ въ періодъ борьбы между пролетаріатомъ и бур-

*) Августъ 1904, № 48, стр. 676.

*) Русский переводъ, изданіе социалъдемократовъ, стр. 31. Курсивъ нашъ.

жуазией, т. е. о политическом перевороте, направленном против классового господства последней. Но в таком случае очевидно, что, констатируя эту невозможность прочного политического переворота во Франции без согласия на него мелкого крестьянства и вытекающую отсюда необходимость для французского пролетариата, в его борьбе с буржуазией, иметь своим политическим союзником мелкое крестьянство, Энгельс уже тем самым радикально отступает от точки зрения „Коммунистического Манифеста“. Легко, конечно, видеть, что самая мысль о таком союзе, самая возможность постановки такого вопроса уже является со стороны Энгельса не тем иным, как отрицанием теории исключительно-пролетарского социалистического переворота; ибо, ставя этот вопрос, Энгельс уже не может в то же время опираться на прежний тезис о необходимости предварительного исчезновения мелкого крестьянства; напротив того, ставя этот вопрос, он тем самым констатирует не исчезновение, а наличность этого последнего, в качестве устойчивого общественного элемента и решающей политической силы, — и при том в тот самый момент, когда уже идет борьба между пролетариатом и буржуазией и когда социалистическое движение уже приближается к заключительной стадии своего развития, т. е. к полному перевороту. Но что же в таком случае следует сказать о всей той теории чинто- и узко-пролетарского движения и переворота, для которой исчезновение мелкого крестьянства с его мелким крестьянским хозяйством служило краеугольным камнем? Теперь мы уже видим, что сам Энгельс рисует нам совершенно другую перспективу как социалистического переворота, так и исчезновения мелкого крестьянского хозяйства. Теперь мы уже видим, что, по крайней мере для французского пролетариата никакая политическая победа, а следовательно и никакое приближение к социалистическому перевороту не будет возможным без союза с мелким крестьянством, при чем исчезновение мелкого крестьянского хозяйства должно будет происходить уже не путем стихийного роста крупной капиталистической промышленности, а путем *социалистической пропаганды*, путем „выяснения“ крестьянину его истинных

интересов; при этом в условиях мелкого крестьянского хозяйства уже не оказывается, по мнению Энгельса, ничего такого, что могло бы серьезно помешать такому выяснению: „Неужели крестьянам нельзя дать понять этого?“ — спрашивает Энгельс.

Нетрудно видеть, до какой степени все это далеко от общепринятых ортодоксальных взглядов на крестьянский вопрос, извлекаемых обыкновенно из „Коммунистического Манифеста“, от его вбры в неизбежное торжество *крупной* капиталистической промышленности, от его резких отзывов об „идиотизме деревенской жизни“. Но что же произошло с тем пор? Не следует ли необходимо заключить, что, для того, чтобы могла произойти такая крупная перемена во взглядах на политическую роль крестьянства и на его экономическое развитие, многое должно было измениться также и в самых объективных условиях крестьянского вопроса, а также и в тех объективных данных относительно общего хода экономического развития, которые заставили в свое время Маркса и Энгельса набросать их первоначальную теоретическую схему?

В настоящее время уже не может подлежать никакому сомнению, что такая именно перемена в тех объективных данных, которыми было обусловлено первоначальное решение крестьянского вопроса, действительно произошла с тех давних времен, когда была сделана первая попытка этого решения. Главное значение должна была иметь здесь, конечно, та устойчивость мелкого крестьянского хозяйства, которая обнаружилась за последние десятилетия ходом экономического развития даже в наиболее промышленных странах Европы. Затем, изменился также, как мы увидим это ниже, и изменился очень существенно, характер самого мелкого крестьянского хозяйства — в тех западноевропейских странах, где оно проходило более или менее ясно выраженную мелко-буржуазную стадию своего существования. Это последнее обстоятельство объясняет также в значительной степени ту теоретическую ошибку, которая была сделана, по этому вопросу, в „Коммунистическом Манифесте“. Но главным и первоначальным фактом, создав-

шимъ новое положеніе вещей въ области крестьянскаго вопроса, тѣмъ фактомъ, который поставилъ здѣсь „чисто-пролетарскую“ ортодоксію марксизма въ прямое противорѣчіе съ практикою и жизнью, является, какъ мы уже говорили, большая устойчивость мелкаго крестьянскаго хозяйства при капиталистическомъ строѣ, обнаружившаяся во второй половинѣ XIX вѣка.

Для ближайшаго выясненія этого важнаго экономическаго факта мы также можемъ сослаться здѣсь на мнѣнія и выводы одного изъ авторовъ марксистской же школы, и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ наиболее выдающихся современныхъ экономистовъ-теоретиковъ, а именно — Каутскаго. Вотъ что писалъ онъ по данному вопросу въ своей статьѣ „Socialismus und Landwirtschaft“, въ 1903 г.:

„Въ одномъ важномъ пунктѣ мы должны измѣнить наши взгляды. Крестьянинъ не исчезаетъ такъ быстро, какъ мы этого ожидали. За послѣднія десятилѣтія онъ лишь очень медленно теряетъ свои позиціи, если только вообще теряетъ ихъ. Грядущій ходъ развитія трудно, однако, предвидѣть въ настоящее время... Но во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ нашего историческаго кругозора, у насъ нѣтъ никакого основанія ожидать быстраго упадка мелкаго сельскаго хозяйства въ Европѣ, точно такъ же какъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ предположить обратное и рассчитывать на значительные успѣхи мелкаго хозяйства и на вытѣсненіе имъ крупнаго сельскаго производства“ („Die Neue Zeit“, 1903 г., № 22*).

Читатель видитъ, что это заявленіе Каутскаго врядъ-ли оставляетъ что-нибудь желать по своей ясности и определенности. Но еще важнѣе то объясненіе, которое Каутскій даетъ этому экономическому факту въ своемъ „Аграрномъ Вопросѣ“ и которое онъ повторяетъ также въ вышеупомянутой статьѣ: по его мнѣнію, устойчивость мелкаго крестьянскаго хозяйства,

*) Читатели, слѣдящіе за нашей партійной литературой, безъ сомнѣнія, уже встрѣчались съ этой цитатою въ программныхъ статьяхъ „Революц. Россіи“. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что эта статья во многомъ представляетъ собою лишь повтореніе главнѣйшихъ теоретическихъ обоснованій нашей аграрной программ.

янскаго хозяйства, — скорѣе есть слѣдствіе того, что оно не перестаетъ быть конкурентомъ крупнаго сельскаго хозяйства, теряетъ значеніе продавца тѣхъ продуктовъ, которые производитъ возлѣ него крупное сельское хозяйство.... и обращается изъ продавца въ покупателя“. Затѣмъ онъ прибавляетъ еще слѣдующее:

„Товаръ-же который мелкое крестьянское хозяйство само производитъ въ излишкѣ, есть именно то средство производства, въ которомъ всего болѣе нуждается крупное сельское хозяйство, т. е. рабочая сила“.

Въ этомъ именно и заключается то теоретическое объясненіе устойчивости мелкаго крестьянскаго хозяйства, которое придаетъ ей характеръ не случайнаго, а необходимаго явленія, непосредственно связаннаго съ условіями самаго капиталистическаго производства. Пока мелкое крестьянское хозяйство конкурировало съ крупнымъ по продажѣ своихъ сельскихъ продуктовъ, — въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно находилось первоначально на стадіи мелко-буржуазнаго промышленнаго предпріятія, оно неизбежно подлежало общему закону капиталистической конкуренціи и, въ этомъ смыслѣ, должно было неминуемо погибнуть, исполнѣ согласно съ теоріей „Коммунистическаго Манифеста“; но только разица между первоначальной теоріей и дѣйствительнымъ ходомъ вещей заключалась здѣсь въ томъ, что эта гибель мелкаго крестьянскаго хозяйства произошла не въ той формѣ, въ какой это предполагалось на основаніи простой аналогіи съ гибелью мелкихъ предпріятій въ области городской индустріи: она произошла не въ формѣ дѣйствительнаго исчезновенія мелкаго крестьянина путемъ превращенія его въ чистаго пролетарія, а въ формѣ превращенія самаго крестьянскаго хозяйства изъ мелко-буржуазнаго — тамъ, гдѣ оно вначалѣ носило такой характеръ — въ такъ называемое пролетаризированное крестьянское хозяйство, т. е. въ такое, которое поставляетъ на рынокъ не излишекъ производимыхъ имъ сельскихъ продуктовъ, а свою собственную рабочую силу, при чемъ уже этимъ самымъ устраняются всѣ тѣ чисто экономическія причины, которыя могли бы заставить самого мелкаго крестьянство исчезнуть подъ давленіемъ капиталистической конкуренціи.

„Такъ, гдѣ вещи дошли до такого положенія“, — говоритъ Каутскій — „крупное и мелкое сельское хозяйство не исключаютъ другъ друга, а обуславливаютъ одно другое, такъ же какъ капиталистъ и пролетарій, *тамъ мелкій сельскій хозяинъ все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ пролетарія.*“ (Курсивъ нашъ).

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается Каутскій въ своемъ предисловіи къ только-что вышедшему 5-му изданію его „Эрфуртской Программы“:

„Итакъ, мы видимъ“ — говоритъ онъ тамъ — „что сама концентрація капитала порождаетъ потребность въ возрастаніи мелкихъ хозяйствъ и способствуетъ ихъ возникновенію“. И далѣе: „...Новѣйшее мелкое мелкое хозяйство представляетъ собою явленіе чисто пролетарскаго типа; члены его становятся все менѣе и менѣе заинтересованными въ частной собственности на средства производства, все болѣе и болѣе приходятъ къ тому же классовому антагонизму, какъ и наемный пролетаріатъ.... Такъ какъ члены новѣйшаго мелкаго хозяйства болѣе изолированы, угнетены и переутомлены, чѣмъ рабочіе крупныхъ хозяйствъ, такъ какъ ихъ экономическое положеніе менѣе просто и ясно, чѣмъ настоящихъ наемныхъ рабочихъ, то ихъ гораздо труднѣе организовать и довести до классового самосознанія; они могутъ при случаѣ являться *streikbrecher*ами и консервативными избирателями, могутъ замедлить освободительную борьбу пролетаріевъ; но они уже нигдѣ не представляютъ собою такого элемента, на которомъ капиталъ могъ бы прочно обосновать свое господство. Рано или поздно, ихъ классовые интересы заставятъ ихъ стать на сторону борющагося рабочаго класса“...

„Ничто не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія“, — говоритъ еще Каутскій въ томъ же предисловіи, — „что социалистическое производство сдѣлается возможнымъ только тогда, когда все мелкое хозяйство будетъ поглощено крупнымъ. Въ такомъ случаѣ оно никогда не сдѣлалось бы возможнымъ, ибо концентрація капитала не уничтожаетъ *вовсю* мелкихъ хозяйствъ, а скорѣе создаетъ *вмѣсто* старыхъ новыхъ“ (Курсивъ нашъ).

* * *

Нетрудно видѣть, что Каутскій даетъ здѣсь лишь распространительное толкованіе старой „чисто-пролетарской“ терминологіи; спасаетъ старыя слова, чтобы влить въ нихъ новое, болѣе соответствующее дѣйствительности содержаніе. Но вѣдь и его учителя, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ конкретными явленіями общественной жизни, какъ это было, напр., въ статьяхъ о парижской Коммунѣ или о французскомъ проектѣ аграрной программы, приходили къ выводамъ не согласнымъ со своей основной точкой зрѣнія. Дѣло въ томъ, что та матеріальная, экономическая база, на которой была построена теорія пролетарскаго научнаго социализма, все болѣе и болѣе подтачивалась дальнѣйшимъ ходомъ самаго экономическаго развитія. Мы имѣемъ здѣсь именно тотъ случай, когда эволюціонная теорія, построенная на извѣстномъ экономическомъ процессѣ, переставала соответствовать дѣйствительности, потому что самый тотъ процессъ, на которомъ она была построена, оказался дѣйствующимъ только въ извѣстной области и въ извѣстныхъ предѣлахъ. Цѣльная и стройная гипотеза „Коммунистическаго Манифеста“, согласно которой самъ капитализмъ „выковываетъ оружіе, несущее ему смерть, и порождаетъ людей, которые должны направить это оружіе — *пролетаріевъ*“, оказалась приложимой лишь къ извѣстнымъ сторонамъ капиталистическаго развитія — лишь въ большей или меньшей степени въ разное время и въ различныхъ странахъ. Вотъ эта именно условная научность и условная приложимость точки зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста“ и стала выясняться постепенно на ходѣ развитія самого социалистическаго движенія, при чемъ выяснилась она всего рѣзче и всего рельефнѣе по отношенію именно къ крестьянскому вопросу и аграрной программѣ.

Когда-то Каутскій писалъ: „Мелкое крестьянское хозяйство экономически пережито.... Неизбѣжная гибель мелкаго производства — такова идея, красною нитью проходящая черезъ мой трудъ („Эрфуртская программа“). Теперь Каутскій, въ предисловіи къ той же „Эрфуртской программѣ“ пишетъ: „Итакъ мы видимъ, что сама концентрація капитала порождаетъ потребность въ возрастаніи мелкихъ хозяйствъ“. До-

статочно сопоставить эти два утверждения одного и того же автора, чтобы увидеть ту теоретическую пропасть, которая отделяет прежние взгляды „научного социализма“ на ход экономического и общественного развития от нынешних (а следовательно и лишь очень относительное научное значение этих взглядов). Согласно прежним взглядам, социалистическая пропаганда в деревнѣ являлась бы даже чѣм-то совсѣмъ несообразнымъ: какъ-то даже странно было бы связывать движение, рассчитанное на осуществление будущих форм жизни, съ общественными элементами, осужденными на вымирание и гибель. Согласно нынешнимъ взглядамъ, привлечение къ социалистическому движению мелкаго крестьянина, „все болѣе и болѣе приходящаго къ одинаковому съ нимъ классовому антагонизму“, является не только вполне логичнымъ, но и представляет собою прямую историческую необходимость. Вотъ следовательно та существенная разница, какую приходится констатировать теперь между условиями развития социалистическаго движения согласно прежнему пониманию ихъ и согласно тому пониманию, которое соответствуетъ истинному ходу экономического развития западноевропейскихъ промышленныхъ странъ и которое по отношению къ Россіи было сразу же установлено русской социалистической школой.

Согласно прежнему пониманию, центр тяжести всего социалистическаго движения переносился въ среду индустріальнаго и отчасти сельскохозяйственнаго пролетаріата, при чемъ массы мелкаго крестьянства оставались болѣе или менѣе въ сторонѣ. Вѣсть съ этимъ, благодаря тому, что рабочія массы, занятія въ крупномъ производствѣ, въ значительной мѣрѣ сплачиваются и организуются самими капиталистическимъ производствомъ и получаютъ отъ него, такъ сказать, готовые внѣшніе рамки будущаго коллективистическаго строя, соответственно этому естественно уменьшалась также, въ при-
 мѣненіи къ этимъ рабочимъ массамъ, организующая, творческая роль социалистической пропаганды. Значеніе идейнаго вліянія какъ бы отступало здѣсь на второй планъ передъ значеніемъ непосредственнаго вліянія объективныхъ экономическихъ факторовъ.

Согласно новѣйшему пониманию условий развития социалистическаго движения, задачи этого движения не ограничиваются революціонизированіемъ индустріальнаго и сельскохозяйственнаго пролетаріата; за этимъ первымъ шагомъ необходимо долженъ слѣдовать дальнѣйшій, предполагающій распространение социалистическаго сознанія среди крестьянскихъ рабочихъ массъ и отстаиваніе ими своей минимальной социалистической аграрной программы, какъ переходныхъ и непосредственно-осуществимыхъ требованій, соответствующихъ ближайшимъ требованіямъ городского рабочаго движения. При этомъ, въ зависимости отъ относительныхъ разрывовъ мелкаго трудового крестьянства въ обществѣ составѣ рабочаго класса въ данной странѣ, будетъ, конечно, измѣняться въ ней и относительная роль этого крестьянскаго социалистическаго движения.

Такъ какъ русское мелкое крестьянство, благодаря тому, что оно освободилось у насъ отъ крѣпостнаго права не революціоннымъ, а монархическимъ путемъ, сразу же попало въ условия „пролетаризированнаго“ мелкаго хозяйства, не проходя, подобно, напр., французскому крестьянству, болѣе или менѣе продолжительной мелко-буржуазной стадіи, то и вопросъ о роли крестьянства въ социалистическомъ движеніи былъ сразу же поставленъ у насъ самою жизнью гораздо яснѣе, чѣмъ въ западноевропейскихъ промышленныхъ странахъ, при чемъ, въ силу особыхъ условий капиталистическаго развитія въ Россіи, крестьянскій вопросъ получилъ у насъ особенно важное значеніе въ общемъ развитіи нашего социалистическаго движения. Соответственно этому, чисто-пролетарская стадія движенія, которую марксистская ортодоксія хотѣла возвести въ принципъ, никогда не могла получить въ Россіи такого исключительнаго преобладанія, какъ въ Западной Европѣ; у насъ ортодоксально марксистское теченіе всегда встрѣчало противодѣйствіе со стороны послѣдователей русской социалистической школы, которая еще со временъ Чернышевскаго и Лаврова усвоила себѣ совершенно опредѣленный взглядъ какъ на значеніе земельнаго вопроса и земельной общины, такъ и на значеніе идейнаго фактора въ развитіи общественной жизни.

Въ сферѣ революціонной практики, это социалистическое течение пользовалось, какъ известно, исключительнымъ преобладаніемъ въ первый періодъ развитія нашего революціоннаго движенія, т. е. въ періодъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, вплоть до паденія Народной Воли; затѣмъ оно было, до известной степени, оттѣснено на второй планъ вторженіемъ въ Россію легальнаго и нелегальнаго марксизма — хотя надо впрочемъ сказать, что даже и въ это десятилѣтіе, съ конца 80-хъ до конца 90-хъ годовъ, господствовавшее раньше идейное течение революціоннаго народничества никогда не утрачивало вполнѣ своей непосредственной связи съ развивавшимся революціоннымъ движеніемъ.

Съ конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія это идейное течение начало быство возрождаться въ лицѣ партіи социалъ-революціонеровъ, выставившей, въ качествѣ одного изъ основныхъ пунктовъ своей революціонной программы минимальную аграрную программу, главнымъ требованіемъ которой является переходъ всей земли въ руки всего рабочаго класса, на правахъ общиннаго, трудового и уравнительнаго пользованія, что, въ свою очередь предполагаетъ, тѣмъ или инымъ путемъ, переходъ въ руки трудового земледѣльческаго населенія и всего хозяйственнаго инвентаря крупныхъ сельскохозяйственныхъ экономій, какъ-то: земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и хлѣбныхъ запасовъ.

Л. Шинко.

КЪ КРИТИКѢ МАРКСИЗМА.

Въ вступленіи.

Подводя итоги крестьянскому движенію въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, и анализируя тѣ требованія, которыя, въ болѣе или менѣе ясной или туманной формулировкѣ, составляли духовную сущность движенія, „Искра“ пыталась въ свое время ясно намѣтить свою позицію въ данномъ вопросѣ. Она прежде всего заявила, что, стоя на точкѣ зрѣнія пролетаріата, социалъдемократія русская, взвѣсивъ социальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію, подхватываетъ всѣ тѣ требованія разныхъ общественныхъ классовъ, которыя таятъ въ себѣ революціонную борьбу противъ учреждений и порядковъ, стоящихъ на пути развитія пролетарской классовой борьбы, освобождаетъ эти требованія отъ налипшаго на нихъ въ процесѣ историческаго развитія покрыва мистическихъ и реакціонныхъ представленій“.

Въ чемъ же заключается этотъ методъ очистки, оперированія нездоровыхъ наростовъ и наслоеній, мѣшающихъ здоровому существу крестьянскихъ требованій? Крестьяне выступали съ лозунгомъ „поровненія“ земли, провозглашая *равное право* на нее всѣхъ трудящихся. Здоровое-ли это требованіе по существу? Какіе наросты и наслоенія затемняютъ его здоровую сущность? И какъ ихъ удалить, чтобы борьба за эти требованія послужила въ полной мѣрѣ великому дѣлу рабочаго класса?

Привлекая на подмогу Каутскаго, „Искра“, какъ будто, усматриваетъ главный нездоровый наростъ въ идеѣ *оплежжа*. „Оплежжъ — это социализмъ мелкихъ производителей, это социализмъ такъ называемыхъ консервативныхъ слоевъ народа“.